

ТЫ МЕНЯ ВЫДУМАЛ

Handwritten notes in Cyrillic script, including the word "Судья" (Judge).

Handwritten notes in Cyrillic script, including the word "Судья" (Judge).

Handwritten notes in Cyrillic script, including the word "Судья" (Judge).

Handwritten notes in Cyrillic script, including the word "Судья" (Judge).

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

Я Н О С Т О В

18+

Ян Остов

Ты меня выдумал

<https://litres.ru/74111486>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человечество давно покинуло Землю.

После Великого Исхода последние выжившие отправились сквозь космос на гигантском Ковчеге "Шэньчжоу". Спустя века на его борту возникла Империя Синьей - могущественное государство, ставшее новым домом для человеческой цивилизации.

Мин Чжао, глава Тайной Канцелярии, привык раскрывать заговоры, мятежи и убийства. Но новое расследование приводит его к человеку, которого не должно существовать.

Чем глубже Мин Чжао погружается в поиски, тем сильнее рушится привычная картина мира. Старые архивы исчезают. Свидетели говорят невозможные вещи. А за политическими интригами начинает скрываться тайна, уходящая к самому началу истории человечества среди звёзд.

«Ты меня выдумал» - философский роман о памяти и забвении, о цене бессмертия и праве на конец пути. История о людях, которые пытаются сохранить мир, уже не понимая, что именно они спасают. И об одиночестве, которое может оказаться сильнее самой смерти.

Содержание

Интермедия 1	4
Глава 1. ШЕСТВИЕ	14
Интермедия 2	32
Глава 2. СИГНАЛ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ян Остов

Ты меня выдумал

Интермедия 1

401 год Эры Исхода

— Послушайте, господа лицеисты, — лениво проговорил профессор Корсарин. — Послушайте и попробуйте почувствовать. Трагедия всегда маскируется под триумф, и величайшая скорбь — под торжество.

Он шел вдоль амфитеатра — вальяжно, чуть сутулясь, заложив руки за спину. Большой и толстый, как медведь, он широко шагал, разрезая воздух, его льняной танчжуан пах сандалом и табаком.

Профессор остановился в самом центре сцены и легким движением пальцев распахнул над кафедрой голографическую проекцию.

Призрачное сизое сияние соткало в воздухе удивительный пейзаж: жёлтый песок, белая пена волн и бесконечная водная гладь, вдалеке подернутая туманом. Земля. Эра до Исхода.

Шестьдесят лицеистов широко разинули рты. Они с завистью смотрели на мужчин и женщин, плескавшихся в голографическом море. Они видели эти изображения сотни раз, но сами никогда не окунались в солёную воду, никогда не

ныряли, не покоряли волн. Дети Синьей никогда не видели настоящего моря.

— Тема нашей сегодняшней встречи, — Корсарин выделил слово «встречи», словно это был не обязательный урок, а тайный заговор, — звучит парадоксально: «Утопия, ставшая черновиком». Мы поговорим о тех, кто подарил нам это вечное скольжение сквозь космическую пустоту. Мы поговорим о великом и трагическом государстве Минсин¹.

Он сделал театральную паузу, мягко прищурившись и глядя на лица подростков сквозь синеватый свет проектора.

— Вы, разумеется, с ранних лет зазубрили, что наша технократическая Империя Синьей возникла на пепелище. Но Империя не рождается из ничего. Задолго до того, как наши отцы-основатели заложили первый шпангоут великого Шэньчжоу, там, на Земле, существовало государство, носившее это удивительное, поэтичное имя — Минсин. «Ясный Разум». И наши предки, поверьте мне, люди далеко не сентиментальные, а жесткие, прагматичные мыслители. Они смотрели на Минсин с замиранием сердца. Они видели в его уникальной, кристально чистой системе не просто политический режим, а само будущее человечества. Они верили, что нашли формулу идеального баланса, способную спасти цивилизацию от увядания.

Профессор взмахнул рукой, и картинка сменилась: лица, старинные портреты, красные печати на древних документах.

— Что это были за люди? Исторические личности, которые двигали тектонические плиты эпохи до Исхода Они не были святыми, о нет! Это были безумцы, влюбленные в порядок, мечтатели с холодными умами. Они пытались построить мост над бездной. И сегодня, когда мы с вами идем по четыреста первому году нашего шествия, мы должны понять: почему этот мост рухнул? И почему всё то, что мы имеем сегодня в Синьей — наши законы, наш Синклит, сама наша жизнь в неизвестности — это лишь попытка переписать на белом тот прекрасный, трагический черновик, который назывался Минсин? Попробуем разобраться

Студенты сидели за тяжелыми металлическими партами, но никто не смотрел в окна, за которыми плавно садилось искусственное солнце. Ни у кого из подростков за ушами не мерцали привычным, сизым огоньком нейро-узлы. Профессор Корсарин с самого порога, резким и не терпящим возражений жестом, потребовал полностью отключить «Лотосы». Он властвовал над залом той гипнотической, чуть вальяжной харизмой великих лекторов, которая заставляет ловить каждое дыхание.

— Факты — это дешевка! Факты — это сухой, безжизненный скелет. Моя задача — вернуть этому скелету горячую плоть, заставить его истекать кровью прямо на ваших глазах. Сегодня мы говорим о так называемом Празднике Очищения. О дне, когда больше тысячи лет назад Империя Минсин едва не захлебнулась в собственной, вязкой и зловонной

гордыне.

Он резко повернулся на каблуках, стремительно приблизился к кафедре и коротко постучал кончиком указки по сенсорной панели голо-проектора. Картинка сменилась хронологической шкалой.

— Зафиксируйте дату, которую вы обязаны помнить, даже если вас посреди ночи оглушит сирена аварийной тревоги: 2250 год Эры до Исхода². День двухсотлетия той самой древней Империи Минсин. Великий юбилей, который должен был стать абсолютным триумфом Вольфрамowego Трона, а обернулся едва ли не смертельной раной на теле государства.

Профессор заложил руки за спину и устремил взгляд в потолок, словно читал невидимый текст.

— Посмотрите на эту пугающую симметрию, которую наш далекий предок, Император Лун Вэй Мин, оставил миру. Каждая из его дочерей была гранью идеального кристалла. Старшая, Юэ Цзя, «Луна в Доспехе». Воплощенный, выжженный внутри долг, воинский гений, чье сердце с младенчества было заковано в безупречную сталь отцовского воспитания. Третья дочь — Су Хэ, «Чистая Река», королева экологии, безраздельно державшая в руках остров-завод «Ляньхуа-Бай» и управлявшая отходами целой планеты. Четвертая — Фэй Янь, «Летающая Ласточка», командующая воздушным флотом, лицо магнитодинамической авиации, женщина, которая буквально подчинила себе небо! Три сестры строили и

защищали этот мир. Но была вторая дочь Наша сегодняшняя главная героиня. Юй Линь. ##. Вдумайтесь, господа, в этот поразительный оксюморон! «Юй» — это благородный императорский нефрит, священный символ пяти конфуцианских добродетелей. Это камень, который может только расколоться, но никогда, ни при каких обстоятельствах не гнется. А «Линь»? О, присмотритесь к этому иероглифу. Он держит в себе ключ «лед». Линь — это пронизывающая, леденящая стужа, безжалостная и суровая. Ее имя буквально означает «Ледяной Нефрит».

Корсарин замер в самом центре класса, его глаза в полумраке мягко и страстно блеснули.

— И вот эту невероятную женщину имперская воля назначает полновластной хозяйкой «Желтой Бездны» — жуткой тюрьмы, куда Минсин веками сбрасывала человеческий шлак всех мастей. И именно здесь, господа лицеисты, начинается подлинная, не отретушированная цензурой история. Забудьте казенные сказки о «мелком заговоре каторжников», которыми вас кормили в младших классах! Юй Линь была единственной реальной угрозой Империи за все века ее благополучного существования! Поймите истинный масштаб этой фигуры! Она была единственным человеком во всем мире, который мог смотреть прямо в глаза суровой, деспотичной Алой Императрице Юэ Цзя, и не склонять головы. Юй Линь — это титан уровня самой Юэ Цзя, абсолютно равная ей по сокрушительной силе воли, по изощренному

интеллекту, по той страшной, породистой крови, что отличала великую династию Лун. Если бы ее заговор в 2250 году удался, мир внутри Минсин и, следовательно, в нашем современном Синьуй, изменился бы навсегда. Стужа Бездны просто уничтожила бы сталь Кодекса.

Профессор медленно подошел к столу, бережно, почти благоговейно взял в руки старую, пожелтевшую от времени бумажную книгу и открыл заранее заложенную страницу.

— За час до того, как первые штурмовые отряды Желтой Бездны хлынули на залитую светом праздничную площадь, Юй Линь вышла к своим людям в сыром подводном каземате. Послушайте эту безупречную, страшную поэзию бунта. Послушайте, как женщина сознательно подписывает себе смертный приговор, до предела расширяя границы человеческой воли.

«Если наш план провалится, мы все рискуем головами! Но я покажу вам пример, я пойду первая! Я никогда не склоню головы перед тиранией сестры! Нефрит никогда не гнётся! Я предпочитаю быть расколотой, чем пребывать в тени Юэ Цзя и жить под ее гнетом! Пусть эта вольфрамовая клетка, которую наш отец назвал Империей, разлетится на осколки. Пусть обжигающая стужа Бездны поднимется со дна и сокрушит хребет Алой Императрицы! Мы — те, кого замуровали заживо, но сегодня мы станем лавиной. Освободим Минсин!»

В классе повисла тишина. Корсарин медленно, с каким-то

особым, сектанским трепетом закрыл пожелтевшую книгу.

— Каков слог, а? — профессор окинул ряды лицеистов долгим, торжествующим взглядом. — Какая безумная амплитуда! Но теперь, господа мыслители, давайте на минуту отложим в сторону поэтический восторг и включим холодный меритократический анализ. Давайте посмотрим, как эта великая заговорщица, сама того не ведая, шаг за шагом, строчка за строчкой напроорочествовала каждую секунду своего грядущего кошмара. Это то, что в большой литературе и в большой истории называют «безупречной рифмой судьбы».

Он остановился перед первыми рядами и начал медленно загибать длинные пальцы, чеканя каждое слово:

— Первое. Вглядитесь в текст. Она кричит: «Я никогда не склоню головы перед тиранией сестры!» И что же делает Юэ Цзя? Когда заговор с треском рушится прямо посреди площади Очищения, в самый разгар двухсотлетия Империи, Алая Императрица поднимает тяжелое церемониальное копье своего отца. И она не дает Юй Линь ни единого шанса склонить голову. Зачем склонять то, что можно просто отсечь? Одним молниеносным режущим ударом вольфрамового лезвия голова Юй Линь слетает с плеч. Физически. Буквально. Метафора замкнулась. Гордая голова не склонилась, она покатила по серым каменным плитам площади под ноги гвардейцам.

Второе. «Нефрит никогда не гнется! Я предпочитаю быть

расколотой!» И ее статус, ее воля, ее права великой принцессы крови действительно раскалываются вдребезги. На глазах у всей онемевшей Империи, посреди священного юбилея, незыблемый образ идеальной семьи Лун дает кровавую трещину. Копье отца раскалывает «Ледяной Нефрит» ее имени, превращая монолит в горсть острых осколков.

Корсарин медленно подошел к широкому окну и вгляделся в алый закат, имитируемый титаническим экраном над всей столицей.

— И, наконец, третье. Самое жуткое, господа мои. «Пусть обжигающая стужа Бездны поднимется со дна» Она испуленно призывала холод, она сама была этим холодом — Юй Линь, лед, сковавший суровый закон Желтой Бездны. Но когда копьё перерубает ей горло, происходит страшный физиологический и сакральный катарсис. Горячая, обжигающая, истинно императорская кровь Юй Линь Кровь живой, страстной женщины, которая так отчаянно хотела свободы и величия, — хлынула колоссальным, безудержным потоком на серый гранит площади. И эта теплая, живая кровь в одно мгновение расплавилась всю ледяную стужу ее заговора. Стужа Бездны захлебнулась в алом тепле ее собственного поражения. Очищение состоялось, но это было очищение кровью. Столкновение двух абсолютно равных титанов, где один целиком и без остатка поглотил другого.

Профессор резко повернулся к классу. Его лицо теперь было пугающе серьезным, полностью лишенным прежней

вальяжной иронии.

— Вот почему этот день в наших учебниках называется днем Очищения. Не потому, что прагматичная Империя Минсин избавилась от горстки опасных предателей. А потому, что в этот страшный день мир окончательно осознал: закон меритократии — это закон карающей, равнодушной стали. Перед копьём Кодекса все нефриты — и рабские, и императорские, раскалываются абсолютно одинаково.

Он подошел к кафедре, и над ней снова ровно и плавно развернулась голографическая проекция, объединяя три сияющих символа.

— Это фундамент, это несущая ось всей нашей нынешней цивилизации. Император, Ковчег Шэньчжоу, народ Синьют. Это три неразрывные части одного колоссального целого. И ни одна из этих граней, ни одна человеческая воля не имеет права возвышаться над остальными, ломая ровное, математически выверенное шествие нашей Великой Империи по бесконечному космическому полотну.

Вдруг, индикатор времени в углу сенсорной доски тихо пискнул.

— Урок окончен, господа! — Корсарин устало, но как-то очень мягко улыбнулся. — Включите свои «Лотосы» и посмотрите на домашнее задание.

По классу прошел едва слышный шелест: лицеисты потянулись к заушным модулям, и пространство вокруг их лиц на секунду озарилось знакомым, призрачно-сизым мерцанием.

— Мне нужно от вас полноценное, глубокое и, я очень на
это надеюсь, живое эссе

---

1. Минсин (##) - "Ясный Разум"
2. 2250 год от Р.Х.

Глава 1. ШЕСТВИЕ

422 год Эры Исхода.

Зал Высокого Свода кипел непрекращающимся гулом. Синклитики спорили уже шестой час подряд. В зале, несмотря на многочисленные освежители в пазах титановых стен, отчетливо витал тошнотворный, чисто стариковский запах залежалого пота, мыла и дорогого парфюмерного масла. Застегнутый на все пуговицы, сухой, престарелый советник вещал что-то с высокой центральной трибуны, надрывая сиплую глотку и едва не роняя вставную челюсть на полированную панель. Помимо восьмидесяти двух членов Имперского Совета, в Зале присутствовали Канцлер Империи и глава «Ока».

Благородный Мин Чжао, седьмой принц крови Синюю, лежал, вызывающе развалившись в глубоком гравитационном кресле. Одной рукой, затянутой в широкий шелковый рукав, он лениво подпирал голову, натягивая тонкую фарфоровую кожу на остром подбородке, а другой — пытал несчастную табличку. Упрямая матовая стекляшка с гравировкой «Глава Высшей Диагностической Палаты» никак не желала балансировать на одном ребре, раз за разом со стуком падая на стол. Мин Чжао не выдержал, громко, со вкусом зевнул, сунул тонкий палец в ухо, покрутил им и зевнул еще раз.

Когда старец за трибуной наконец замолчал, Мин Чжао было улыбнулся, предвкушая свободу, и расслабленно сел ровно. Но на помост тут же, шаркая подошвами, выполз другой, не менее сухой и морщинистый синклитик.

Принц недовольно, по-стариковски прокряхтел: «Ах ты чёрт старый, чтоб тебя пополам переломало». Прямо в кресле он сбросил с ног легкие туфли и поджал босые ноги под себя, завернувшись в полы дорогого ханьфу. Снова опустившись на локоть, он ловко выудил из широкого рукава голографический планшет. Положив его на колени, покусывая нижнюю губу, Мин Чжао принялся с упоением рассматривать мерцающие трехмерные карточки лучших куртизанок Третьей Палубы.

— Да-да! — бросал он невпопад, совершенно не поднимая головы, когда очередные ораторы пафосно апеллировали к Высшей Диагностической Палате. — Именно так. Абсолютно согласен.

— Давайте же спросим самого главу Диагностической Палаты, господа! — долетел вдруг до ушей Мин Чжао резкий и неожиданно энергичный голос.

Принц мгновенно выпрямился, единым мимолетным касанием свернув планшет в рукав, и заспанными глазами стал разглядывать спикера за кафедрой. Строгий антрацитовый китель с вызывающей россыпью из сорока одной серебряной звездочки на левом рукаве сразу выдал Министра Атмосферного Попечения — человека, державшего в руках вен-

тили от всех легких Империи. Мин Чжао слегка нахмурился, лениво пытаясь нащупать нить ускользающего разговора.

— Вы ведь были одним из первых, кто шесть лет назад безоговорочно поддержал инициативу Ее Величества Императрицы Жоу Ган по жёсткому контролю мигрантов? — Министр буквально исходил ядом, чеканя слова в микрофон. — И вот к какому кошмару это привело! На сегодняшний день вся Вторая Палуба окончательно погрязла в расизме и ксенофобии!

— Вы с ума сошли, Янь! — послышался возмущенный выкрик из средних рядов, тихий, не поддерживаемый общими микрофонными установками. — Императрица Жоу Ган вложила много сил в спасительный проект «Стального Жгута»! Вы не имеете права теперь, спустя шесть лет, говорить о неправоте её действий!

— Нет уж, извините! — Министр резко обернулся на крик. — У меня есть глаза, у меня есть цифры, и у меня есть множественные отчёты СИБ о непрекращающихся беспорядках на Второй Палубе!

— Это уму не постижимо! — взорвался другой угол зала. — Вы забыли? Вы забыли черные дни Кризиса 416 года?! Когда эти несчастные, озлобленные мигранты с разваливающимися, гниющих Ковчегов устроили кровавые бунты на наших палубах?!

В зале поднялся шквал голосов. Память о 416 годе до сих пор отзывалась у синклитиков фантомной болью. То-

гда, шесть лет назад, человечество осознало: гордые проекты других земных альянсов — американские, европейские, индийские исполинские корабли, не выдержали испытания бесконечностью. Их техника сгнила, их реакторы погасли один за другим, превращая летающие города в ледяные братские могилы. Синьюй приняла последних выживших, затянув их в свои палубы. И теперь Шэньчжоу летел в абсолютной неизвестности, единственный, последний уцелевший Ковчег со всей человеческой цивилизацией на борту.

— Так спросите принца! — выкрикнул кто-то из ложи. — Мин Чжао лично там был, он всё видел своими глазами и сам предложил многие жесткие инициативы!

— Хорошо! Ваше Высочество, будьте так добры — испуганно залепетал робкий голос из дальнего угла Синклита.

— Значит так! — грозно рявкнул Министр Атмосферного Попечения, перебивая всех. — Лебезить перед титулами я здесь не позволю! Мы находимся во Дворце Равновесия, господа, и Мин Чжао, наш великий принц крови, в этих стенах — всего лишь подотчетный Глава ВДП. Мин Чжао, будьте добры, объяснитесь перед Советом. Как вы сегодня, глядя нам в глаза, оправдаете свои преступные, жестокие действия шестилетней давности?!

Мин Чжао окончательно проснулся. Сонная дымка слетела с лица, обнажив хищный, породистый оскал. Он неторопливо поднялся, картинно почесал рыжий затылок и, нахло-

нившись к тяжелому микрофону, заговорил. Голос его, мягкий и бархатный, разнесся по притихшему залу.

— «Всего лишь глава ВДП», да? Слышать подобные речи из уст Министра Янь уморительно. Какая короткая у вас память, милейший. Твой прямой предок, Лун Фэй, был родным внуком Императора. А ты, несчастный, спустя всего три поколения, лишен всех прав Императорского клана и протираешь штаны на министерском стуле. Скажи спасибо своей великой родословной и будь добр — не бреди старые раны. Мир с воцарением моей сестры Жоу Ган, изменился раз и навсегда. Ты что же, Янь хочешь вернуть нам кошмар кризиса 416 года? Хочешь снова пустить кровь по вентиляции?

Мин Чжао медленно, со значением осмотрел замерший зал, переведя взгляд на камеры Живой Летописи, транслирующие заседание на весь Ковчег.

— Знаете, господа синклитики, а ведь некоторые люди действительно не меняются. Разве не этот самый Министр Янь в тот памятный год со страху предложил просто перекрыть подачу кислорода на Второй Палубе, чтобы тихо, как крыс, усыпить бунтовщиков-мигрантов в их отсеках? И этот человек сегодня смеет заикаться о гуманизме? Какое лицемерие. Какая дешевая драма. В Нижнем Хае про таких, как вы, Янь, поют очень точную песню:

*«Шлюха в парче — всё та же шлюха,
Хоть бриллиант засунь ей в ухо.»*

Зал Синклита на секунду онемел, а затем предсказуемо

разразился громом глухого, сдавленного смеха, который тут же затих.

Принц Мин Чжао широко, ослепительно улыбнулся, повернулся лицом к объективу камеры Вечной Летописи, весело показал «мир» двумя пальцами и, даже не обуваясь, прямо в белоснежных шелковых носках, ленивой, царственной походкой вышел из душного зала.

***

Высшая Диагностическая Палата приветствовала своего властителя со всей должной преданностью.

Когда в дверях появился принц Мин Чжао, облаченный в свой излюбленный, небрежный оверсайз ханьфу штормовых цветов с тускло мерцающими вышитыми силуэтами имперских драконов, кабинеты Тайной Канцелярии, до этого пребывавшие в анабиозе, вдруг разом ожили. Пространство наполнилось цветом. Принц шел, лениво покачивая в длинных пальцах тонкий багровый мундштук, из которого струился горьковатый, пахнувший гвоздикой дым. Этот аромат мгновенно вытеснял из коридоров казенную затхлость.

Войдя в свой личный кабинет после бесконечного, выпившего все силы дня в душном Синклите, Мин Чжао грохнулся в глубокое кресло-качалку. На мгновение он прикрыл глаза, чувствуя, как ноют виски от стариковских криков во Дворце Равновесия.

Он открыл глаза и бросил короткий взгляд в самый дальний, погруженный в густую тень угол комнаты. Там, перед

высокой металлической конторкой, неподвижно стоял молодой человек в невзрачном коричневом танчжуане. Он казался почти невидимкой, естественным и логичным продолжением массивного дубового шкафа с бумажными книгами. Человек мерно, с гипнотической монотонностью перекладывал бумажки из одной папки в две другие. Это шуршание в абсолютной тишине кабинета задавало ритм всей работе Канцелярии.

Это был второй по значимости человек во всей Высшей Диагностической Палате — правая рука самого принца, его личный помощник и заместитель, которого Мин Чжао ласково, по-семейному прозвал «Чернилкой» (Мо-Мо).

Этот тихий, исполнительный юноша оставался его единственной искренней отдушиной в жестоком, алчном мире Имперской дворцовой жизни.

Чернилка отложил бумаги и почтенно, глубоко поклонился. Его лицо оставалось чистым, гладким и абсолютно безэмоциональным. Станным, почти сверхъестественным образом профессия тайного сыщика не осквернила этот фарфоровый лик.

Тайная Канцелярия Империи, носящая обманчиво-медицинское, стерильное название «Высшая Диагностическая Палата», была, пожалуй, самым зловещим и странным местом во всей Синьей. Это было единственное ведомство в государстве, принципиально и жестко не признающее высоких технологий. Здесь невозможно было найти голографи-

ческих проекторов, мерцающих экранов или каналов связи посредством вживленных нейро-протезов. ВДП, или, как его называли в народе, «Око», демонстративно не полагалась даже на объективы вездесущих объективов Живой Летописи, кои по всей Империи исчислялись сотнями миллионов.

«Все что видно на камере — работа судов и гвардейцев. А мы знаем то, чего не видит сама Живая Летопись» — объяснялся Мин Чжао.

Именно поэтому «Око» веками развивалось как невидимая сеть живых людей, которые замечали всё, помнили всё и слышали каждый вздох даже там, где ты меньше всего ожидал встретить свидетеля. Это был самый эффективный и безжалостный инструмент контрразведки, а его полевые агенты поэтично звались «птицами».

— Что там у нас на повестке, Мо-Мо? — глухо спросил принц, сводя брови домиком и заранее готовясь к изнурительному ночному труду.

Чернилка наконец нарушил свою привычную сухую мину, словно едва заметная трещина пробежала по керамическому блеску его идеальной маски. Он хитро, понимающе улыбнулся одной стороной губ и тихо ответил:

— Тяньшу Чжифу, Ваше Высочество.

Мин Чжао страдальчески закатил глаза и откинул голову на кожаный подголовник. Тяньшу Чжифу — так называлось грандиозное благотворительное общество, с помпой учрежденное вторым великим принцем крови, а по совме-

стителству — одним из самых заносчивых старших братьев Мин Чжао.

— Вот скажи мне, Мо-Мо, за какие такие грехи мне всё это, а? — жалобно, почти по-детски спросил принц, не ожидая услышать ответа.

— Наша служба и опасна, и трудна, Ваше Высочество, — мягко улыбнулся Мо-Мо.

Он бесшумно, словно соткавшись из воздуха, приблизился к креслу и поставил на лакированный письменный стол принца легкий металлический поднос. На нем стоял запотевший стакан ледяной воды и лежал небольшой, тускло поблескивающий блистер. Мин Чжао привычным, отточенным движением длинного ногтя выдавил идеально круглую, тяжелую белую таблетку прямо себе в ладонь и резким жестом закинул её в рот. Когда за сухой таблеткой последовал глоток холодной воды, принц снова посмотрел на своего помощника уже едва заметно расширившимися, темными зрачками.

— Пока мой дорогой братец тешит свое безмерное самолюбие перед объективами Живой Летописи, публично перерезая ленточки и демонстративно посещая лицейские соревнования, мы с тобой здесь заживо гнием, спя по четыре часа в сутки, — проворчал Мин Чжао, чувствуя, как химия начинает проникать в кровь. — Вот где справедливость?

— Для меня огромная честь служить в столь уникальной структуре, как Высшая Диагностическая Палата, Ваше Высочество, — ровно, с абсолютной убежденностью отозвал-

ся Чернилка. — Мы не обязаны оглядываться на капризы Синклита, мы не подлежим бездушному технократическому аудиту Исполнительной Ветви. ВДП эффективно функционирует внутри Монархической Ветви, покойно и надежно расположившись под крылом Ее Императорского Величества. Мы — единственный орган, подчиненный лично монарху. И я искренне рад нести эту службу под вашим началом.

Мо-Мо бросил мимолетный взгляд на опустевший серебристый блистер, где чернела строгая фирменная надпись фабрик Второй Палубы: «Кофеин-merus, Индекс 41». Затем он плавно поклонился и удалился вместе с подносом обратно в тень шкафов.

Удар стимулятора был точным и чистым. Мозг принца в одно мгновение обновился пугающей, хрустальной ясностью, полностью абстрагируясь от душных, потных воспоминаний о дневном заседании Синклита. Начинаясь подлинная, скрытая от мира канцелярская ночная работа.

Мин Чжао резким жестом раскрыл лежащую перед ним папку, на плотной обложке которой гордо красовался рельефный фамильный герб Императорского клана и каллиграфическое имя принца Тянь Шу. Расследования ВДП в отношении членов правящей семьи всегда требовали особых, деликатных протоколов и личных подписей Императрицы. Мо-Мо, как всегда, любезно и безупречно позаботился обо всех формальностях, подготовив бумаги для ком-

фортной работы. Мин Чжао оставалось лишь внимательно просмотреть сухие, скучные отчеты Службы Имперской Безопасности.

Однако сегодня, казалось, все обстоятельства этого мира противились тайному сыску.

Не успел принц перевернуть и трех страниц, как Чернилка, стремительно вернувшись из приемной, ошарашил Мин Чжао экстренным донесением.

— Ваше Высочество, прервитесь. Ее Императорское Величество жаждет видеть вас незамедлительно на приватную беседу, за чашечкой чая. Она требует, чтобы вы прибыли прямо сейчас.

Мин Чжао, грязно и тихо чертыхаясь сквозь зубы, с досадой затушил едва раскуренную сигарету в костяном гнезде мундштука. С силой, похожей на выстрел, он захлопнул папку с делом брата и, на ходу оправляя полы штормового ханьфу, поспешил прочь из кабинета — на аудиенцию к Владычице Дракона.

***

Тронный Зал каждый раз по-новому поражал своим безжалостным, подавляющим величием. Огромные, уходящие в непроглядную темноту десятиметровые потолки подпирались толстыми металлическими колоннами, которые тускло переливались в теплом свете из окна. Поодаль, на возвышении мощного помоста, высился легендарный Вольфрамовый Трон. Этот многотонный монолит был символом незыбле-

мости имперской власти, такой же прочной и вечной, как сама вольфрамовая сталь. Он и его массивный постамент являлись физическим продолжением пола, единым целым со шпангоутами Ковчега. Это наглядная демонстрация того, что монарх намертво вплавлен в суверенное тело Империи.

Позади этого жуткого символа власти располагалось титаническое панорамное окно, за которым угадывались контуры императорского балкона. Сейчас матовый, идеально отполированный пол Тронного Зала буквально горел: багровые, почти кровавые лучи заходящего электронного солнца прорезали десятиметровую толщу бронестекла и длинными, рваными полосами тянулись через весь Тронный Зал.

В передней части зала, укрывшись от давящей пустоты за небольшим изящным столиком из темного дерева, восседала она. Облаченная в тяжелое, пышное шелковое платье алого цвета, с безупречно уложенной высокой прической, скрепленной нефритовыми шпильками в виде лап дракона. Императрица Жоу Ган казалась ожившим духом этой Империи, потусторонним существом, которое высший рок принудил оберегать этого стального Дракона и его жителей, кормить их, лечить, воспитывать и, когда нужно, безжалостно пороть.

Мин Чжао неторопливо подошел к столику, на секунду растеряв свою уличную вальяжность. Он почтено, по всем канонам придворного этикета склонил голову, а затем с тихим вздохом облегчения опустился на стул напротив. Его старшая сестра, Жоу Ган, мягким, на удивление домашним

движением разлила горячий чай по тонким фарфоровым пиалам. Воздух между ними мгновенно наполнился блаженным ароматом жасмина.

Хотя в Синьей слово монарха юридически обладало статусом неоспоримого закона, сейчас Жоу Ган была обычной женщиной, уставшей от тяжести триллионов тонн стали и народных свар на своих плечах. Сейчас она была обычной женщиной, пьющей чай в компании любимого брата.

— Министр Янь — тот еще индюк, братец, но цитировать похабные поговорки Нижнего Хая прямо в Синклите это даже для тебя перебор, — Жоу Ган покачала головой, но в уголках ее губ заиграла нескрываемая, теплая усмешка. — Он уже накатал официальную жалобу в Аппаратный Узел Канцлера Пакса. Требуется в наказание лишить Око дотаций в этом месяце.

— Пусть пишет. Пусть старик сотрет свои корявые пальцы об экран, — Мин Чжао лениво фыркнул, изящно перехватывая багровый мундштук. — Этот маразматик окончательно забыл, где его место. У меня в ВДП на таких, как он, заведены целые шкафы. Вот я до него доберусь К тому же, Нижний Хай — это такая же законная часть Империи, как и Священный Контур. Их быт, их мудрость — это неотъемлемая часть нашей общей культуры. Мне лично ни капли не стыдно цитировать фольклор Нижних Палуб, если этот пень зарывается и начинает считать себя ровней

— Ну хватит, Чжао.

Принц послушно притих. Он поднес к губам фарфоровую пиалу и бесшумно отхлебнул напиток.

Императрица взглянула на брата, и ее улыбка растаяла. Мин Чжао, чей мозг все еще работал на запредельных оборотах под безжалостной дозой ночного кофеина, отчетливо разглядел то, что Жоу Ган так тщательно скрывала от камер — глубокую, вековую усталость в уголках ее глаз. Это было то страшное, иссушающее утомление, которое невозможно сбросить и которое понимает лишь тот, кто вынужден ежедневно сидеть на Вольфрамовом Троне, удерживая на своих плечах равновесие сорока одного космического ковчега.

— Ладно Янь, бог с ним, он хотя бы предсказуем в своем занудстве, — тихо, почти шепотом произнесла Жоу Ган, глядя на пар, поднимающийся от чая. — Меня куда больше беспокоит то, что случилось сегодня на рассвете, Чжао. Ты ведь уже видел эту новую оду Чернильной Плесени? О нашей матушке, Чжу Ли?

Мин Чжао, сделав глубокую, размеренную затяжку гвоздичным дымом, лениво кивнул:

— Видел, Ган. Мои птицы перехватили зашифрованный сигнал в Лицейском секторе еще в три часа утра. Успели заблокировать узлы до того, как эти сопляки-студенты растащили строфы на цитаты.

— И тебе тебе не показалось это странным? — Жоу Ган тревожно нахмурилась. — Подумай сам. Этот призрак, этот проклятый Плесень, обычно пишет свои культовые оды о

правителях или членах династии в их глубоком, преклонном возрасте. Тогда, когда до их физического конца остается совсем чуть-чуть. Я не суеверна, Чжао, ты меня знаешь. Но Тебе не кажется это дурным предзнаменованием?

Принц снисходительно улыбнулся, пытаясь отогнать страх сестры:

— Наша матушка здорова, бодра и, кажется, переживет нас всех, сестра. Ее хирургический скальпель до сих пор так и чекрыжит аппендиксы в имперском госпитале, ее оттуда силой не выставишь. Дай бог, ближайшие лет двадцать её рассудок и медицинские знания будут в полном порядке.

— Да, Чжао Но он никогда, слышишь? — никогда за все четыре века Летописи не писал об Императорах так рано.

— Знаешь, сестра, — Мин Чжао задумчиво покрутил мундштук в пальцах, — хоть этот мерзавец и является главной, самой болезненной занозой в заднице моего ведомства, я чисто по-человечески не могу не восхищаться его слогом. Его безупречный, тяжелый ямб У меня, признаться, мурашки так и бегали по спине, когда я читал эти строфы о встрече нашей матушки с Романовыми в Нео-Букингемском Дворце. Это было мощно. Я надеюсь, что он и обо мне когда-нибудь напишет.

— И не сомневайся, Чжао, напишет, — Жоу Ган горько, бесцветно усмехнулась и покачала головой. — Напишет, еще как. Этот чёртов поэт видит нас всех насквозь. Я не знаю, как у него это получается, из какого технического колодца или

зброшенного сервисного шлюза он за нами подсматривает, но Объясни мне, как этот фантом узнал, что я в последнее время пристрастилась по ночам к засахаренной сливе? Об этой моей слабости знает только личный повар и пара служанок. А три дня назад на нижних палубах появляется эпиграмма: «О сливе в сахаре в полночной темноте». И кому надо, Чжао, те всё прекрасно поняли. Понимаешь, к чему я веду?

Мин Чжао мгновенно изменился в лице. Он аккуратно затушил сигарету и его взгляд в одно мгновение изменился. Сибаритство и фамильярность исчезли — перед Императрицей сидел Глава Высшей Диагностической Палаты.

— Если говорить абсолютно серьезно, Ган В архивах лежит сорок официальных, закрытых расследований. Сорок раз, Ган! Сорок раз мои предшественники с гордостью рапортовали на Трон, что Чернильная Плесень — это всего лишь группа радикальных лицеистов, или тайный заговор Синклита. Мы сорок раз до основания зачищали сервера, стирали целые информационные блоки, а через год стихи появлялись снова. Тот же безупречный ритм. Тот же почерк. Та же извращенная, меланхоличная, мрачная гениальность, что и во времена Первоначала. Он пугает меня не тем, что знает про твои ночные сливы, сестра. Он пугает меня тем, что от него нельзя избавиться Плесень всегда проступает сквозь обшивку, как бы усердно мы её ни вытравливали.

В какой-то момент разговора они незаметно поднялись и

вышли через распахнутые створки окна на императорский балкон.

Отсюда, с головокружительной высоты, открывался безумный, захватывающий дух вид на бескрайнюю ночную столицу. Мин Чжао оперся руками о холодные титановые перила, всматриваясь в раскинувшееся внизу море огней, и в глубине души все еще не мог до конца поверить, что эта титаническая махина — триллионы тонн вольфрама, стали и переработанного пластика, их огромный космический континент — это реальность.

Он ведь родился здесь, на борту Шэньчжоу. Его родители, его деды и прадеды рождались, любили и умирали здесь, внутри этой замкнутой железной утробы на протяжении четырехсот долгих лет. Эта некогда безумная, отчаянная задумка человечества, погибающего на старой Земле в удушливом дыму, токсичном смоге и тонущего в собственных нечистотах, была претворена в жизнь в конце 29-го века. Тогда легендарный Император-Основатель построил этот ковчег, названный «Священным Кораблем» — Шэньчжоу, основал на миллионах квадратных километров его палуб полноценную, жесткую цивилизацию и написал Кодекс Первоначала.

И вот теперь, спустя четыре века безумного транзита сквозь пустоту, вся полнота власти над этой бороздящей холодный космос стальной стихией пала на хрупкие плечи его старшей сестры. А сам он, Мин Чжао — лишь временное

обстоятельство, переменная, которая однажды послушно закончит свою жизнь, насыщенную дворцовыми интригами, цинизмом и развлечениями на Третьей Палубе. Они с сестрой уйдут из жизни, оставаясь лишь на страницах исторических справочников В отличие от Дракона Шэньчжоу, который продолжит нести свою страшную, спасительную службу еще многие и многие века, несмотря ни на что.

Интермедия 2

401 год Эры Исхода

Профессор Корсарин молча выслушал последние, затихающие в коридорах сигналы сирены, извещающие о начале занятий. А затем медленно, с легким прищуром обвел взглядом притихшую аудиторию.

— Ну что же, господа мыслители, — Корсарин прервал молчание, мягко опустив ладони на полированную поверхность кафедры. — Я внимательно читал ваши сетевые черновики. И, признаться, остался в некотором унынии. Большинство из вас предсказуемо скатилось в банальное, серое оправдание так называемой государственной целесообразности. Вы защищали систему просто потому, что она победила. Но один текст один текст заставил меня отложить в сторону чашку чая и по-настоящему задуматься. Господин Куй Син, прошу вас к доске. Прочтите нам свою работу. И, ради всего святого, не бубните под нос, как на экзамене по навигации. Вдохните жизнь в свои пятьсот слов.

Высокий, с ровной, как арматура спиной лицеист неловко поднялся со своего места, судорожно сжимая в пальцах матовый голографический планшет. Он медленно вышел на середину, к сенсорной доске, тихо откашлялся и, бросив быстрый, ищущий взгляд на замершего у стены профессора, начал читать. Его голос, поначалу глуховатый и неуве-

ренный, удивительно быстро набрал ту особую, искреннюю плотность, которую Корсарин ценил в людях превыше всего.

«Анатомия расколотого нефрита: почему мир до Исхода не принял правду Юй Линь?»

«Правда Второго Титана Империи, принцессы Юй Линь, была слишком чистой, слишком абсолютной для прагматичного, шестереночного мира на планете Земля. Когда в 2250 году, в день двухсотлетия государства, хозяйка Желтой Бездны подняла бунт, она апеллировала к первородной свободе, к праву человека быть личностью, а не безликим элементом государственного механизма. Но парадокс и трагедия Юй Линь заключались в том, что Минсин — это не просто политический режим»

Куй Син читал спокойно и уверенно. От его недавней лицейской неловкости не осталось и следа. Строчки текли ровно, препарируя историю доисходной Империи с пугающим чувством времени и человеческой психологии. Он говорил о «вольфрамовой клетке» империи, о жестком Кодексе меритократии и о том, почему обыватели всегда выбирают предсказуемую тяжесть стального доспеха Юэ Цзя, а не обжигающую стужу Бездны. Когда он дошел до финала, его голос опустился до едва слышного, но отчетливого шепота:

«в мире карающей стали и безупречных расчетов поэзия бунта всегда проигрывает прозе порядка. Ледящийся Нефрит разбился, оставив Минсин в жестких, но спасительных объятиях Алой Императрицы».

Куй Син опустил планшет. В аудитории повисла тишина.

Профессор Корсарин медленно, нарушая оцепенение, зааплодировал. Его ладони издавали сухие, редкие, но веские хлопки.

— Bravo, господин Куй Син. Вы не просто пересказали события, вы заглянули в самую суть исторического краха. «Поэзия бунта проигрывает прозе порядка» — чертовски хорошо сказано, я бы сам лучше не сформулировал. Садитесь, высший балл.

Профессор снова вышел в центр амфитеатра, и его глаза весело и лукаво блеснули:

— Ну что, господа лицеисты, кто готов оспорить тезисы господина Куя Сина, или Алая Императрица подчинила себе и ваши молодые умы? Кто рискнет защитить Юй Линь?

На самом дальнем ряду, у самой стены, главный бунтарь лица пафосно, подчеркнуто резко вскинул руку.

— Разве мы обязаны соглашаться с решением Алой Императрицы просто потому, что она так авторитетна и уважаема? — в голосе Лиама звенел чистый, неразбавленный юношеский максимализм. — Я не считаю, что смертная казнь, а тем более, публичная, варварская казнь великой принцессы крови — это допустимая практика в двадцать третьем веке. Хорошо, что мы живем в цивилизованном, демократичном и миролюбивом времени. Лично я бы никогда не поступил так, как Юэ Цзя.

Куй Син обернулся и улыбнулся — медленно, чуть при-

щурив глаза, с той самой тонкой, слегка покровительской миной, которую все они ежедневно наблюдали у самого профессора Корсарина. Он не стал оправдываться, а тем более спорить. Он лишь мягко, аккуратно опустил планшет на колени, словно приглашал заносчивого оппонента к шахматной доске, где сокрушительный мат уже был поставлен три хода назад.

— Твоя гуманность делает тебе честь, Лиам, — негромко, но отчетливо произнес Куй Син, и его юношеский голос зазвучал в притихшем классе достаточно веско. — Мы действительно до неприличия избалованы сытым, стерильным покоем нашего миролюбивого века. Но твоя главная ошибка в том, что ты пытаешься примерить мягкие бархатные перчатки современности на железные кулаки сурового двадцать третьего столетия. И, что еще хуже, Лиам, ты фатально недооцениваешь саму Юй Линь.

Он плавно поднялся со своего места и сделал один короткий шаг в сторону притихшего бунтаря, чеканя каждое слово:

— Решение на площади Очищения не было актом слепой, маниакальной жестокости. Это был страшный, выходящий за рамки любых юридических протоколов, но единственно верный выбор. Сама Юй Линь в своей манифестарной речи ясно дала миру понять: на свете нет силы, способной согнуть её мощный нефритовый хребет. Она была истинным титаном. А титаны, как известно из истории, не поддаются пе-

ревоспитанию. Алая Императрица понимала это лучше, чем кто-либо другой. Оставить Юй Линь в живых, запереть её обратно в подводные казематы, сослать под конвоем на дальние провинции — что бы это значило для Империи?

Куй Син медленно обвел притихшую аудиторию серьезным взглядом.

— Это значило бы обречь всю Империю на вечную паранойю. На существование в постоянном, неизбежном ожидании нового, еще более кровавого заговора. Ведь «нефрит никогда не гнется», Лиам. Юй Линь никогда бы не смирилась, не раскаялась в содеянном и не отступила. Её лед растаял бы только вместе с её сердцем. Юэ Цзя не тешила себя глупыми иллюзиями. Она прекрасно знала: перед ней стоит чудовищная, абсолютно равная ей по силе угроза, которую невозможно укротить. Её можно было только выжечь, только уничтожить. Только глубокий посчитает, что казнь на площади была личной мстью жестокой сестры.

Куй Син замолчал и спокойно сел на свое место.

Лиам, всё еще державший руку полуподнятой, медленно, растерянно опустил её, но на его побледневшем лице всё еще читалось упрямое, мальчишеское несогласие.

Профессор Корсарин, до этого самого момента неподвижно стоявший у окна с каменным лицом, вдруг просиял. На его губах заиграла довольная улыбка наставника, чей лучший ученик только что превзошел все мыслимые ожидания. Ответ Куй Сина попал в раскаленное ядро исторической су-

ти.

Корсарин молча, неторопливо полез в глубокий карман своего льняного танчжуана, нащупал там маленький пластиковый пульт и незаметно, одним коротким движением пальца, нажал на сенсорную клавишу.

В ту же секунду янтарный свет в аудитории мгновенно померк. Огромный проекционный экран за спиной профессора вспыхнул, и на нем в полный рост, соткавшись из миллионов слепящих лазерных пикселей, появилось архивное, панорамное изображение.

Это была Алая Императрица Юэ Цзя.

Она смотрела прямо на класс с высоты своего Вольфрамового трона. Закованная в тяжелую, матовую, броню боевого доспеха, с лицом, словно высеченным из холодного мрамора. С махагоновыми, мертвыми глазами рожденного для убийства хищника. Она была самой богиней Ананке, сошедшей со страниц древних, докосмических хроник. Её взгляд, зафиксированный когда-то старой, несовершенной оптикой, обладал гипнотическим эффектом: казалось, она смотрела лично на каждого в этой аудитории.

Лиам на дальнем ряду, мгновенно выпрямился, словно его насквозь ударило электрическим током. Вся его напускная, протестная лицейская важность слетела в одно мгновение. Он был не в силах отвести округлившихся глаз от этого жуткого, подавляющего человеческую волю величия. По классу пробежал восторженный трепет — тот самый, кото-

рый когда-то, тысячи лет назад, заставлял падать ниц целые министерства и небесные флоты.

Профессор Корсарин сделал размашистый шаг вперед, заложив руки за спину, и его громовой, раскатистый театральный хохот безжалостно разорвал удушающее оцепенение аудитории.

— А ты бы задал ей тот же самый вопрос, Лиам? Глядя прямо в эти глаза Императрицы, рискнул бы критиковать ее решение? — сквозь искренний смех спросил Корсарин, с нескрываемым, чисто педагогическим наслаждением разглядывая лицо лицейского бунтаря. — То-то и оно, мой дорогой юный друг! Рассуждать о высшем гуманизме удивительно легко, когда перед тобой на парте сидит тихий, безобидный Куй Син с планшетом. Но история Империи, запомните это, писалась и выжигалась теми, от чьего случайного взгляда у взрослых, закаленных мужчин сопряжение в нейро-узлах плавилось от первобытного страха. На сегодня всё, господа! Бегите, пока Алая Императрица лично не лишила вас стипендии!

Глава 2. СИГНАЛ

422 год Эры Исхода

Высшая Диагностическая Палата, будучи частью Монархической Ветви правления, со всеми своими кабинетами и допросными располагалась в величественном Императорском Дворце.

Мин Чжао со злостью швырнул на стол толстую папку с тисненым клеймом благотворительного общества «Тяньшу Чжифу». Из папки веером посыпались накладные на поставку гидропонных пайков, счета за медицинский текстиль и списки волонтеров Нижних Палуб.

— Благотворители Мать вашу за ногу, святые угодники космического разлива, — прошипел принц, яростно потирая воспаленные от бессонницы глаза. Он потянулся к фарфоровой чашке, глотнул остывший чай и поморщился. — «Фонд Небесного Благоденствия». И этот упрямый баран думает, что я не вижу, куда текут его субсидии?

Принц откинулся на спинку кресла, запустил пальцы в растрепанные волосы и заговорил в пустоту кабинета — это была его старая, дурная привычка, помогающая упорядочить хаос в голове. Это напоминало дементивный стариковский бред, но с изяществом великого принца.

— Тянь Шу, Тянь Шу Ну какая ты, к черту, «Небесная Ось»[1]? Ты обычное ржавое шило в заднице нашей семьи.

Шесть лет прошло! Шесть лет, а этот осёл всё никак не переварит, что корона уплыла мимо его драгоценного носа. Конечно, Сюэ Мо облажался в четыреста шестнадцатом, тут спорить нечего. Слабак. Устроить такой проходной двор из мигрантов на Второй Палубе, распустить сопли, а потом прийти к матушке Чжу Ли и заявить: «Я устал, я ухожу». Матушка-то ладно, ей тогда как раз шестьдесят стукнуло, она с облегчением скинула этот вшивый трон, отреклась к чертовой матери и ушла обратно в свой любимый госпиталь резать аппендиксы и слушать пульс. Но ты-то, Тянь Шу! Ты-то почему решил, что трон автоматически твой?

Мин Чжао злобно хмыкнул, перебирая пальцами выписку по счетам старшего брата.

— Обойденный гений. Жоу Ган тогда за шкурку этого слюнтяя Сюэ Мо из кризиса вытаскивала. Синклит посмотрел, как девчонка одной левой закручивает гайки мигрантам, и сразу понял, у кого в этой семье есть яйца. Сначала регентство, потом полноценная корона. А Тянь Шу до сих пор из своего благотворительного угла ядом брызжет. Думает, если Цзинь Вэй, Хан Сюй и Сянь Хэ в первое время его обиженный бунт поддержали, то они теперь оппозиция. Да они через месяц приползли обратно, уткнулись в свои кормушки и носа в политику не кажут, слава богам, сидят тише мыши А этот всё копает. Всё строит из себя защитника бедных и угнетенных

Принц подпрыгнул в кресле так, словно под матовую ко-

жу сиденья подвели оголенный кабель питания. Центр тяжести почтенного антикварного кресла-качалки, которое Мин Чжао с трудом выбил себе со складов Управления снабжения, фатально сместился назад. Принц нелепо взмахнул руками, пытаясь ухватиться за воздух. Фарфоровая чашка жалобно звякнула о блюде, а длинные ноги в дорогих туфлях взлетели выше столешницы. Секунду-другую великий инквизитор Синьуй вел отчаянную, но обреченную на поражение борьбу с законами физики, пока кресло окончательно не завалилось на бок, едва не похоронив под собой августейшую особу.

Из-за угла шкафа к столу, бесшумно шагнул Чернилка. На его лице блуждала та самая, неизменная, едва заметная и до безобразия вежливая улыбка.

— Простите великодушно, — Чернилка склонил голову, протягивая руку, чтобы помочь принцу подняться, хотя в его глазах плясали откровенно издевательские огоньки. — Не думал, что мои скромные шаги могут так дестабилизировать обстановку в Высшей Диагностической Палате.

Мин Чжао выглянул из-под груды ткани и тяжёлой качалки. Произойди эта оказия в Синклите или другом важном месте, он приказал бы наказать всех: от завода, производящего эти качалки, до самого кресла. Но он просто улыбнулся своей неуклюжести. Он никогда не держал официального фасада в своем ведомстве, а особенно — перед Чернилкой.

Принц охотно ухватился за протянутую руку, легко под-

нялся и принялся бережно расправлять складки ханьфу. Широкие многослойные рукава, расшитые золотой нитью по подолу, слегка перекрутились при падении, и Мин Чжао с деланным вздохом вернул их на место, попутно приглаживая растрепанные огненные волосы.

— Когда ты пришел? Клянусь детьми Тянь Шу, я всё-таки вкачу официальное прошение государыне, чтобы тебе в подошвы вшили колокольчики для скота, — проворчал принц, водружая кресло-качалку на место. — Какого рожна ты крадешься? У меня тут, между прочим, государственные тайны на столе, а я летаю по кабинету, как подбитый челнок.

— Государственные тайны? — Чернилка понимающе кивнул, скользнув взглядом по разбросанным накладным «Тяньшу Чжифу», — Государственные тайны прямо сейчас переживают не лучшие времена. Я пришел доложить, Ваше Высочество, что наши доблестные птицы уже час как шуршат крыльями в главных офисах благотворительного общества вашего старшего брата. Вынимают серверы, потрошат архивы, пугают волонтеров Нижних Палуб. Ввиду столь бесцеремонного вторжения, полагаю, имеет смысл в самое ближайшее время ожидать ответного визита великого принца Тянь Шу.

Смешливая улыбка на лице Мин Чжао вдруг переменилась на другую, хищную и злорадную. Его медовые глаза, потускневшие от усталости весело блеснули.

— Думаешь, заглянет на огонек? О нет, мой дорогой Чер-

нилка, я очень сильно сомневаюсь, что у Тянь Шу сегодня найдется время для визита к младшему брату. Нашему великому принцу крови сейчас, видишь ли, слегка не до инспекций. У него появились куда более веские, я бы сказал — экзистенциальные поводы для беспокойства.

Принц выудил из рукава небрежно сложенную бумажку и демонстративно развернул.

— Этой ночью, неуловимый и вездесущий Чернильная Плесень разродился очередным шедевром. Настоящая басня в стихах, ушедшая в сеть. Хлёстко, сочно, в лучших традициях придворного пасквиля.

Мин Чжао с удовольствием зачитал пару строчек, пародируя пафосный, театральный тон старшего брата:

*«В парче партерной соловей поет о доле сирых,
В слезах клянет жестокий век и черствость души в мундирах,
Но гаснет свет, и занавес упал — А птица в золоченой клетке*

Считает прибыль от зерна, забыв о бедной ветке»

Мин Чжао от души рассмеялся, бережно опускаясь обратно в многострадальное кресло и поправляя полы ханьфу.

— Наивные агенты СИБ еще даже не всосали контекст. Они всё еще ищут в этих строчках зашифрованные координаты складов или коды контрабанды. Но в семье, Чернилка О, в семье уже абсолютно все посмеялись. Даже Жоу Ган нашла минутку и утром прислала мне короткое сообщение, со-

стоящее из одного-единственного смеющегося смайла. Тянь Шу сейчас заперся в своем поместье, исходит желчью и пытается выяснить, кто из его ближайшего окружения слил Плесени детали его личных расходов. Так что пусть СИБ копает дальше. Пока брат занят спасением остатков своей репутации, мы сможем спокойно посмотреть, куда на самом деле уходили деньги «Тяньшу Чжифу».

— Басня действительно недурна, — Чернилка наклонил голову вбок, и в его мягком голосе скользнуло едва уловимое, почти профессиональное одобрение. — Автор на редкость точно уловил разницу между ценой перьев и стоимостью зерна. Полагаю, великий принц Тянь Шу теперь долго не сможет смотреть на соловьёв без легкого нервного тика.

Он сделал небольшую паузу, словно взвешивая следующую мысль, и, заложив руки за спину, неторопливо прошелся вдоль линии книжных шкафов.

— И всё же, Ваше Высочество — Чернилка обернулся, и его взгляд стал чуть более проницательным. — Скажите, вам никогда не было искренне интересно, кто прячется под этим звучным псевдонимом? Чья именно рука выводит эти ядовитые строки? Если бы Вам назвали истинное имя Мо Мэя, Вы бы захотели его услышать?

Мин Чжао снисходительно хмыкнул, взял со стола мундштук и вальяжно откинулся на мягкую спинку качалки.

— Истинное имя? Чернилка, к чему эти пошлые, мещанские приземленности? — в голосе принца зазвучал его из-

любленный, театрально-пафосный тон. — Мо Мэй — это не просто человек из плоти и крови, у которого есть прописка на Нижних Палубах и счет в банке. О, нет! Это дух самой Синьей. Это квинтэссенция имперского сарказма, возведенная в абсолют. Плесень — явление стихийное, как космический шторм или коррозия металла. Зачем мне душить эту прекрасную, чистую иронию грубыми тисками следственных протоколов? Пусть поет, пока его песни бьют точно в цель.

Чернилка смиренно выслушал эту тираду, однако улыбка на его губах стала чуть шире.

— Ваша поэтическая широта души, как всегда, не знает границ, Ваше Высочество, — мягко заметил он. — Жаль только, что Служба Имперской Безопасности ваших восторгов не разделяет. Впрочем, они никогда и не отличались особыми успехами в столь тонких, деликатных материях. Их вольфрамовые лбы привыкли ломать двери, а не разгадывать метафоры. Вот если бы если бы расследование дела Чернильной Плесени официально поручили нашему Оку, мы бы с вами куда быстрее сложили два и два. И, уверяю Вас, этот пасквильант уже очень скоро давал бы нам автограф-сессию в одной из допросных.

Мин Чжао вяло улыбнулся и согласно кивнул. Он сделал это исключительно из вежливости и бесконечного расположения к своей главной птице. Принц надеялся, что, согласившись, он закроет тему.

— Ладно, уговорил, — принц лениво зевнул, потирая пе-

реносицу. — Раз уж тебе так не дают покоя лавры столичных сыщиков, давай попробуем прижать СИБ. Займись этим на досуге. Передай в Канцелярию СИБ официальное прошение о передаче всех архивных дел, связанных с расследованием личности Плесени, под юрисдикцию ВДП. Пусть поделятся макулатурой, раз сами не справляются. Черкни там от моего имени

Мин Чжао не успел договорить.

Чернилка, не изменившись в лице ни на один мускул, с молниеносной, почти фокуснической ловкостью запустил руку в глубокий рукав своего одеяния. Секунда — и на полированную поверхность стола, прямо поверх накладных «Тяньшу Чжифу», лег идеальным почерком расписанный, официальный бланк с гербовой печатью.

Принц осекся на полуслове и уставился на документ. Из-за отточенных формулировок заявления на имя главы СИБ сиротливо выглядывала пустая графа для подписи великого принца.

— Ты

— Превентивная исполнительность, Ваше Высочество, — Чернилка скромно опустил глаза, протягивая принцу перьевую ручку. — Я лишь позволил себе предугадать ход ваших блестящих рассуждений. Зачем терять драгоценное время на бюрократию, когда верное решение очевидно?

Мин Чжао не выдержал и коротко, сочно рассмеялся, качая косматой огненной головой.

— Чернилка, клянусь зубами Сюэ Мо, если бы тебя не существовало, тебя следовало бы выдумать! — принц Мин Чжао, очевидно, процитировал кого-то из легенд сыска, выхватил ручку и размашисто, с эффектным вензелем вlepил свою подпись в пустую графу. — Держи, чудовище казенного аппарата. Иди и тешь свое самолюбие архивными папками.

Чернилка аккуратно забрал подписанный лист, спрятал его обратно в бездонный рукав и отвесил глубокий поклон.

Он отступил на шаг назад и бесшумно покинул кабинет.

Мин Чжао еще несколько секунд улыбался, провожая его взглядом. Но затем улыбка медленно сошла с его лица. Взгляд принца снова упал на разбросанные счета «Тяньшу Чжифу». Веселье кончилось, наступала монотонная и скучная, рабочая ночь. Он подтянул к себе верхний лист из папки и снова с головой погрузился в хитросплетения махинаций своего брата.

«Благотворительное общество Тяньшу Чжифу. Зарегистрировано 13 дня 7 месяца в 416 году Эры Исхода»

Четыреста шестнадцатый. Всего шесть лет назад, а кажется — в другой жизни. Тогда они еще не делили Империю на победителей и проигравших. Тогда они еще разговаривали. Взгляд Мин Чжао расфокусировался, скользя мимо иероглифов, и тяжелые стены Ока растаяли, уступая место призракам прошлого.

416 год Эры Исхода. Шесть лет назад.

Жоу Ган только что возглавила Империю. По всем палубам и жилым блокам Синьюй, вибрируя в «Лотосах» граждан, гремел ее новый, грозный титул — «Владычица Дракона». Но здесь, на уединенных террасах Четвертой Палубы, этот грохот казался далеким, почти нереальным.

Поместье великого принца Тянь Шу было чистейшим, вызывающе дорогим воплощением монументального классицизма третьего века. Вдали от грохота портовых доков и вечной технологической суеты нижнепалубных секторов, «Небесная Ось» с маниакальной точностью воссоздал эстетику древних резиденций доисходной знати. Массивные опорные балки из темного, гасящего любые вибрации композита сочетались с настенными панелями из полированного, светящегося изнутри нефрита. За панорамными окнами в фонтане шумела вода.

Застолье было шикарным. Тянь Шу любил пускать пыль в глаза, особенно когда его это было уязвлено. Столы буквально ломились от редчайших деликатесов суши и глубоководной фауны, выращенной в провинциальных биомах. Все это великолепие подавалось на коллекционном, тончайшем фарфоре, который звенел от малейшего вздоха. Вот только аппетита ни у кого не было. Атмосфера за столом стояла гнетущая, тяжелая, как свинец.

Сюэ Мо здесь, разумеется, не было. Его, добровольно сдавшего позиции и подписавшего отречение, старшие си-

блинги просто вычеркнули из списков живых. Слабых не прощали. Жоу Ган тоже отсутствовала: Новая Императрица безвылазно дневала и ночевала в Тронном Зале, намертво закручивая гайки в портах и накладывая свой знаменитый «Стальной Жгут».

Тянь Шу восседал во главе стола, бледный, с хищно заострившимися чертами лица. Он почти не притрагивался к еде, лишь то и дело раздраженно крутил в длинных, холеных пальцах серебряный кубок с красным вином.

— Это позор для династии, — наконец глухо произнес Тянь Шу. Его голос, налитый яростью, мгновенно заставил замолчать музыкантов, перебиравших струны традиционных цитр в углу зала. — Сюэ Мо проявил непростительную слабость. Он испугался Синклита, испугался Хранителей. Но самое страшное — этот слюнтяй обнулil Небесный Порядок. Отдать трон девчонке в обход четырех старших в обход меня! Это не просто каприз, это плевок в лицо самой структуре Синьей.

— Она еще пожалеет об этом, — подала голос Цзин Вэй, третья в очереди на престол. Она с брезгливым выражением лица ковыряла палочками спинку редкой рыбы. Ее губы были сжаты в тонкую линию. — Управлять СИБ и выжигать мозги шпионам «Синтеза» — это одно. А держать баланс сорока одного ковчега — совсем другое. Травоядная эпоха матушки Чжу Ли закончилась. Сейчас не время для бабьего самодурства.

— Именно! — хмуро буркнул четвертый в очереди, Хань Сюй. — Жоу Ган наивно думает, что её «сталь» и карательные отряды решат проблему с бесчисленным количеством голодных ртов в порту. Нам нужен был системный лидер. Нам нужен был ты, Тянь Шу. Мы все здесь согласны с тем, что этот фарс долго не продлится. Синклит очень скоро завоюет от её диктатуры и приползет к тебе.

За столом поднялся одобрителный, согласный гул. Обиженные, обойденные вниманием старшие наследники наперебой соревновались в пророчествах скорого и неизбежного краха новой Императрицы. Атмосфера буквально дышала заговором, уязвленной гордостью и ядом.

И только на самом дальнем конце стола, лениво развалившись на расшитых шелковых подушках, сидел младший ребенок Чжу Ли, Мин Чжао. На нем было слегка помятое, нарочито неформальное светлое ханьфу, контрастировавшее с траурно-парадными одеждами сиблингов. Мин Чжао с абсолютно скучающим видом подбрасывал в воздух спелое наливное яблоко, ловил его одной рукой и с нескрываемым садистским удовольствием наблюдал за этим парадом ущемленного эго.

— Ах, как поэтично — раздался среди общего гневного ропота ехидный, чистый и удивительно звонкий голос Мин Чжао. Он с хрустом откусил кусок яблока, демонстративно прожевал и сладко зажмурился. — Какое великолепное собрание неслучившихся величий. Прямо-таки элитный клуб

любителей воображаемых корон.

Тянь Шу резко, по-куриному повернул к нему голову. Его идеальные брови сошлись на переносице, а в глазах полыхнуло опасное пламя:

— Мин Чжао, придержи язык! Ты еще слишком молод и глуп, чтобы понимать священные законы престолонаследия.

— О, куда уж мне до Вашего Высочества, — Мин Чжао притворно вздохнул, сокрушенно покачав головой и приложив ладонь к сердцу. — Мой скромный, зачаточный разум может осилить лишь правления нашей матушки. Вот скажи мне, о великая и незаменимая «Небесная Ось», если бы наш добрый Сюэ Мо не совершил этот уморительный финт ушами и остался на троне когда бы ты получил власть? Ну, чисто теоретически?

— По закону старшинства, после него — высокомерно начал Тянь Шу, расправив плечи.

— После него трон достался бы его детям, дорогой мой старший брат! — Мин Чжао весело, подался вперед всем телом, уперев подбородок в ладони. — У Сюэ Мо пока нет наследников, но поверь мне, его Пульс[2] работает исправно. Давайте наконец снимем эти пафосные маски и признаем очевидное: все мы, сидящие за этим столом — лишь статисты в очереди, которая никогда не должна была до нас дойти.

Лицо Тянь Шу на глазах начало наливаться дурной, багровой кровью. Хань Сюй, Цзин Вэй и другие замерли с открытыми ртами, не в силах переварить такую наглость.

— Жоу Ган не просто забрала Трон, — продолжал издеваться Мин Чжао. — Она совершила настоящее чудо. Она вытащила корону из семейного склепа Сюэ Мо и швырнула её в нашу сторону, подарив нам хоть какой-то шанс. Да, она выбрала себя, но согласись, Тянь Шу, это хотя бы разнообразит наши скучные семейные ужины! Теперь ты можешь до конца дней ненавидеть её лично, а не сетовать на абстрактную генетику и порядок рождения. Какое облегчение для твоей гордости, а?

— Немедленно закрой рот! — прошипел Тянь Шу, в ярости грохнув тяжелым кулаком по столу. Фарфоровые пиалы жалобно звякнули. — Ты защищаешь эту выскочку только потому, что сам ни на что не способен и ни на что не претендуешь! Тебе в этой жизни достались лишь жалкие остатки со стола!

— Мне достались глаза, брат, — Мин Чжао нагло подмигнул ему, ни на секунду не испугавшись вспышки гнева. — И этими самыми глазами я отчетливо вижу, что наша сестричка сидит на вольфрамовом монолите так прочно, будто родилась в нем. Ты ведь ходил отчитывать её вчера, верно? И как успехи? Сильно дуло из её тени? Говорят, дворцовые гвардейцы до сих пор соскребают остатки твоей спеси с пола Тронного Зала.

По столу пронесся тихий, испуганный смешок кого-то из младших слуг, который тут же испуганно зажал себе рот. Мин Чжао бил без промаха, точно в самую рану. Тянь Шу тя-

жело, прерывисто дышал, его дутый авторитет перед остальными сиблингами трещал и осыпался под бритвенными шутками младшего.

— Скучная эпоха закончилась, Тянь Шу, тут ты абсолютно прав, — Мин Чжао внезапно резко переменялся в лице, став пугающе серьезным, хотя на его губах все еще блуждала тень прежней улыбки. Он неторопливо доел яблоко и аккуратно положил огрызок в самый центр серебряного подноса. — Но Жоу Ган — не слабый монарх и не самодур. Она — тот самый болезненный спазм, который заставит одряхлевший организм Синьей выжить в этой космической глуши. И пока ты здесь пьешь коллекционное вино и театрально жалеешь себя, она строит мир, в котором твоя «Небесная Ось» вообще будет хоть кому-то нужна. Так что кушай рыбку, брат. В ней много фосфора. Говорят, исключительно полезно для ума.

Мин Чжао плавно поднялся со своего места, одернул ханфу и отвесил присутствующим легкий, подчеркнуто изящный, но глубоко издевательский поклон. Затем, заложив руки за спину и негромко насвистывая старинный мотив, он неторопливо покинул зал, даже не обернувшись.

Тянь Шу так и остался сидеть в тишине. Окружающие его братья и сестры уныло отводили взгляды, не зная, куда деться. Гнетущая атмосфера заговора сменилась трезвым, пугающим осознанием простой истины, которую так цинично и легко обнажил младший принц: Синьей изменился навсе-

гда. И старые правила больше не защищали никого из них

Мин Чжао резко моргнул, возвращаясь из глубин памяти в холодную, стерильную реальность Высшей Диагностической Палаты 422 года.

Он тяжело вздохнул, потирая виски. Спустя шесть лет Тянь Шу так ничего и не понял. Он все еще пытался играть в свои мелкие, обиженные игры, прикрываясь благотворительностью.

Он подчеркнул красным маркером имя брата в первой накладной. Пора было заканчивать этот затянувшийся семейный театр.

Здесь предпочитали бумагу, запах чернил, и тишину, которую не нарушал писк вездесущих нейро-уведомлений. На стене, словно бесполезный памятник прогрессу, сиротело покрытое слоем пыли стекло терминала общей имперской сети. К нему годами никто не прикасался. Мин Чжао искренне презирал этот безликий ящик, подключенный к вечно шумящему цифровому улю Синьюй.

Но посреди ночной тишины монолитное стекло вдруг ожило. Секундой позже кабинет Мин Чжао залило густым, тревожным алым светом. Этот багровый отсвет рванул по стенам, окрасив полированный нефрит и шелк ханьфу в цвет свежей крови.

Принц резко обернулся, и его пальцы судорожно сжали маркер. Сердце пропустило удар. Специфика этого сигнала

была страшной. Алый канал означал, что сообщение пробилось через выключенное питание, через алюминиевые заглушки преемников, через любые локальные блокировки. Это был Высший Императорский Канал Связи. Канал, который активировался лишь в двух случаях: начало тотальной космической войны или

Терминал заговорил. Голос синтезатора был звонким, металлическим, совершенно лишенным человеческих интонаций. Он резал тишину кабинета, как скальпель: *«Внимание всем узлам Шэньчжоу.»*

В два часа сорок три минуты зафиксирована необратимая остановка биологических процессов ее Высочества, Чжю Ли. Императрица-мать скоропостижно скончалась. Официальное заключение Медицинского Корпуса: внезапная деструкция сердечно-сосудистой системы, вызванная хроническими особенностями здоровья Ее Высочества. Всем членам Династии предписано немедленно прибыть в Тронный Зал».

---

1. Тянь Шу (##) — «Небесная Ось»
2. Сюэ Мо (##) — «Пульс Крови» или «Кровеносные Сосуды»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.